

П.К. Чекалов

«К творческой биографии М.Х. Чикатуева»

16 декабря 1954 года в абазинской национальной газете «Социалистическая Черкесия» появилось небольшое стихотворение ученика 10 класса Чикатуева. Через три месяца два его стихотворения снова увидели свет на страницах этой же газеты. Не прошло и двух месяцев, как было опубликовано ещё одно... Начинающий стихотворец заявляет о себе всерьёз и с этого времени регулярно печатается в национальной периодической печати.

Уже в начале 1956 г. в рецензии на сборник абазинских писателей «Песни жизни» газета впервые благосклонно отозвалась о юном авторе, а в марте того же года отвела целую литературную полосу под его стихотворения. В январе и сентябре 1957 г. литературные страницы газеты также занимают одни произведения молодого поэта. В марте следующего года (1958) публикуется большая статья Л.А. Бекизовой, посвящённая творчеству М. Чикатуева. И в этом же году выходит первый сборник его стихов «Беру апхиарцу». Тогда он уже учился на втором курсе Литературного института им. М. Горького.

Родился будущий поэт в ауле Малоабазинка 3 мая 1938 г. и первые свои годы провёл здесь. Мать вспоминала потом: будучи двух-трёх лет, Микаэль, если находил обрывок газеты или книжной страницы, косолапя, подходил к столу и, водя пальцем по бумаге, бубнил, имитируя чтение: таб-таб-табжи, таб-таб-табжи... «Это моё первое сочинение», – в шутку говорил Чикатуев, потому что слова такого в абазинском языке нет, и вряд ли мальчик мог слышать что-либо подобное от старших. Но вот родились в душе ребёнка непонятные звуки и вылились в слово. ...

И вспомнилось детство: в наивном порыве

Что-то из букв непонятных сложить,

Пальцем водил по листам молчаливым:

Таб-таб-табжи, таб-таб-табжи...

Отец умер, когда Микаэлю исполнилось 6 лет. В доме было четверо детей, и он среди них – старший. В 1944 г. пошёл в первый класс Малоабазинской школы, но учился там лишь два года, зато памятливы они ему!.. Может быть, и не столько само время, сколько большой сердечный человек, находившийся тогда рядом – Ян Янович Сабо, учитель, ежедневно приезжавший из другого села на велосипеде. В осеннюю распутицу и просто в дождливые дни Ян Янович оставался в школьной пристройке, чтобы не колесить по грязи. Микаэль был настолько влюблён в него, что чуть ли не молил аллаха, чтобы дожди шли не переставая. И когда обстоятельства складывались благополучно, он подходил к окну и робко-робко стучался... Ян Янович усаживал его на скамью за столом, выставлял нехитрое угощение и улыбался, приговаривая: «Вдвоём веселей!..». А потом брал книжку и читал сказки, и не просто сказки, а сказки в стихах. С того времени и запали в душу ученика простые пушкинские строки:

Жил – был поп,

Толоконный лоб.

Пошёл поп по базару

Посмотреть кой-какого товару.

А навстречу ему Балда...

Сказка завораживала. Человечек за столом превращался в сплошной слух и, почти не мигая, смотрел в лицо учителя, а потом беспокойно ёрзал на скамье, когда после громкой фразы на столе потухала свеча. В темноте учитель нащупывал коробку, чиркал спичкой и продолжал читать...

Именно Ян Янович проторил в душе абазинского мальчика первую тропку к литературе, которая стала для него впоследствии дорогой на всю жизнь. И это ему посвящены строки:

Я запомню

Хороших людей имена,

Буду к разным огням

Приближаться во мгле,

Но в любом будет

Сельская школа видна:

За окном – человек

И свеча на столе ...

Если горе нацелится болью в висок,

заходи,

разделю сухари, кипяток.

Одному не по вкусу

и сладкий кусок,

а вдвоём веселее,

не так ли, браток?..

В книге жизни моей

сорок с лишним страниц –

не в слезах, так в снегах,

не в дождях, так в огне.

И мелькают по ним

крылья дальних зарниц

от горящей свечи в тихом школьном окне.

А первое стихотворение пришло неожиданно. Вдруг. Но случилось это уже в ауле Инжич-Чукун, куда семья Чикатуевых перебралась ещё в 1950 г. Была ранняя весна. Март месяц. И был шестой класс. Мать попросила Микаэля отогнать телёнка Бота на водопой. Берег реки был ещё скован льдом, и ноги телёнка разъезжались в разные стороны: трудно устоять, а тем более напиться. И тогда Бота подогнула передние ноги, стала на коленки и опустила пухлые губы в холодную струю...

Наблюдавшему со стороны мальчику воображение вмиг подсказало и дорисовало поэтическую картину: река – весна, лёд – зимнее покрывало. Телёнок схватился за край этого одеяла и стягивает: «Проснись, Инжич! Весна пришла!»

В восторге от произошедшего чуда мальчик со всех ног бросился домой. Летел и кричал:

– Мама! Мама! Я стихи сочинил!!

Мать встретила его довольно прозаическим вопросом:

– А где Бота?..

Праздник был подпорчен, но не прекратился.

Благополучно окончив шестой класс и отучившись месяц в седьмом, Микаэль тайком от матери удрал в горы и работал там подпаском до мая месяца, пока чабаны не угнали отары ещё выше в горы.

Облака бродили, как отары;

Край реки светился, Как кинжал.

Ты меня прости,
Учитель старый,
Школу бросил я и убежал...
В чабаны,
 в долины,
 в непогоды,
Где и ощутимы и видны
Голодом измученные годы,
Там,
Неподалёку от войны.
Убежал в снега,
В холодный скрежет,
К осыпям и древним валунам,
Опасаясь,
Что меня удержит
Мама и не пустит
К чабанам.

Унаследовав от стариков любовь к народным песням, он целыми днями распевал их, тем более что стесняться было некого: кругом лишь травы, камни да скалы. Но по вечерам, когда приходили к их огню чабаны из соседних кошар, посматривая на подпаса и посмеиваясь в бороды, они спрашивали у старших: «Где вы нашли эту маленькую «песню»?»

– Да вон там, в горах, – улыбаясь, отвечали старики.

Через много лет из этого эпизода родится вступление к поэме и название новой книги – «Песня, найденная в горах»:

Пел и я,
Чтоб небо не скучало.
Пел
Молчанью снежному в укор.
Песнь мою подхватывали скалы,
Повторяло эхо дальних гор!
В звук и слово превращался весь я,
По камням стремительно скакал,
И казался взрослым
Вольной песней,
Найденной случайно среди скал.
Трое,
Как ягнёнка в одеяле,
Песню от остуды берегли,
И меня в аул не прогоняли,
Веря, что в горах меня нашли.
В мире скал и синих поднебесий,
Где среди камней ютился страх,
Я и сам себе казался песней,
Чабанами найденной в горах.

Окончив в 1952 г. семилетку с похвальной грамотой, по направлению Хабезского райкома комсомола Микаэль поступил в восьмой класс областной национальной средней школы-интернат. В это время он уже писал стихи, был редактором стенной газеты, одним из самых активных членов драматического кружка.

Учился Микаэль всегда хорошо – до десятого класса не имел ни одной четвёрки. Но на последнем году учёбы стихи настолько увлекли его, что остальное всё стало для него второстепенным. Особенно после того, как в декабре пятьдесят четвёртого появилось в печати его стихотворение «Мы – пионеры». Учёбу почти забросил, считая себя уже состоявшимся поэтом. Бывало даже такое: сказав ребятам, что заболел, Микаэль запирался у себя на квартире и дней пять, не показываясь в школе, строчил стихи. Казалось бы, дальнейший путь его был уже predetermined, но слава лучшего актёра школьного драмкружка не давала покоя, и после окончания десятилетки он направил свои стопы не куда иначе, как в Государственный институт театрального искусства (Москва). Удачно пройдя первые два тура, на последнем всё-таки срезался. Недолго мешкая, он забрал документы и в тот же день выехал в Ставрополь. 31 июля во второй половине дня он оказался в приёмной комиссии Ставропольского пединститута, а на следующий день уже сдавал экзамен – сочинение. Выдержав и остальные экзамены, был зачислен на первый курс историко-филологического факультета.

Таким образом, в сентябре 1955 года М. Чикатуев оказался в стенах педагогического института города Ставрополя.

Салам тебе,

Зелёный город мой!

Ты распростёр широкие объятия:

Студента согревал меня зимой

У очага, где были все, как братья.

Деревья, что сажал я тут,

Стоят над юностью моей,

Какobeliski.

Что я ставропольчанин подтвердят

Они верней,

Чем справка о прописке.

Здесь каждый был поэт и музыкант.

Здесь было столько радостных событий.

За песни извинит нас комендант

Студенческих весёлых общежитий...

Именно в годы учёбы в Ставрополе были им написаны стихи, ставшие впоследствии известными русскому читателю, благодаря переводам Игоря Романова и Владимира Гнеушева. Среди них – стихотворение «Рите»:

Для тебя душа моя открыта,

Я тебя, наверное, люблю,

Если смех твой, рыженькая Рита,

Словно пенье родника, ловлю.

Счастлив я всегда твоей улыбкой,

Слаще мёда мне твои слова.

Шарфу твоему под ветром зыбким

Радуюсь, заведяши едва.

Я готов бродить с тобой по лугу,
Другом быть на много-много дней
Лишь за то, что лучшая подруга
Ты любимой девушки моей.

А 16 сентября 1956 г. в «Литературной газете» появилось стихотворение «Любовь» в переводе Льва Щеглова:

По-абазински нет слова «влюбляться».
«Поймал я любовь», – говорят абазины.
И я представлял: там, где скалы искрятся,
Наездник, широкую бурку раскинув,
Летит на коне и петлёю аркана
Любовь эту самую ловит нежданно.
Так думалось в детстве.
Но должен сознаться,
Я взгляд изменил, когда минуло двадцать.
Звездой предрассветной возшла надо мною
И в сердце раскрылась цветком ароматным
Любовь. И я сам теперь пойман любовью,
И, как её ловят, мне стало понятным.

Это было первое абазинское стихотворение, появившееся в центральной печати. За год учёбы в пединституте укрепилось сознание того, что путь Микаэля лежит через Литературный институт, и весной 1956 года он отослал на творческий конкурс подстрочники своих стихов. Попали они

на рецензию к известному поэту С. Щипачёву, сделавшему краткое заключение: «Самобытный поэт. Стихи оставляют отрадное впечатление».

Летом вместе с однокурсниками он находился на сенокосе в совхозе «Темижбекском» Новоалександровского района, когда получил телеграмму о необходимости срочного выезда в Ставрополь, в пединститут. В деканате ему вручили другую телеграмму, из Москвы, в которой говорилось о том, что он прошёл творческий конкурс и приглашается на вступительные экзамены. Успешно сдав их, Чикатуев стал студентом Литературного института. Посещал семинар В. Луговского, затем – В.Д. Захарченко. В это время он принял участие в одной из передач московского телевидения; затем о нём и ещё о двух студентах института – Ф. Блынском и О. Фокиной – рассказало всесоюзное радио. В 1958 г. Чикатуев выпустил свой первый сборник стихов – «Беру апхиарцу», а выход второго – «Мелодии Инжича» – совпал с годом окончания института – 1961-м. А ещё через год он был принят в Союз писателей. Было ему тогда – 24, и был он одним из самых юных даже среди молодых членов творческого союза.

Сегодня Микаэль Хаджиевич – признанный классик абазинской литературы, яркая творческая индивидуальность с выраженной новаторской доминантой. И новаторская сущность его сказалась уже в первом сборнике, в целом представляющем из себя типичное явление национальной поэзии на ранней стадии ее становления, но при этом в нем проявились и такие черты, которые выгодно отличали его от остальной литературной продукции тех лет. Так, стихотворению «Зальым» свойственна неожиданная для поэзии того времени творческая раскованность, свободная смена ритмов, удачное использование перепелиных звукоподражаний, а в контрастной смене длины строк стихотворения «Раиса», как бы самозарождающемся способе рифмовки, в живой, участливой интонации ощущается естественный, ничем не скованный строй абазинской речи. Лучшим произведением пейзажной лирики, а, возможно, и всей национальной поэзии 1950-х является

стихотворение из того же сборника «Доброе утро, аул мой!» с запоминающимся образом месяца, тонкой льдинкой тающего в предутреннем небе.

Еще одно отличительное свойство этой книги: из цветowych эпитетов самым употребительным оказался «белый», которым наделялись и руки девушки, и горный родник, и распускающиеся деревья. И это не случайно. В позднем эссе «Пока душа солнца жива» поэт признался, что белый цвет всегда являлся для него любимым. И потому данный эпитет в творчестве Чикатуева приобретет впоследствии самостоятельное значение, определяя все светлое и чистое, живое и позитивное в людях и во всем окружающем мире: из книги в книгу будут переходить образы «белых дорог», «белых шатров», «белых снов», «белого месяца», «белой земли», «белых дождей», «белых лучей», «белой тишины», «белых слез», «белых мыслей»...

Микаэль Хаджиевич всегда испытывал особое пристрастие к родному языку, любил экспериментировать, создавать новые слова. И эта черта его творческой личности также обнаружилась в первом же сборнике, куда был включен неологизм: «амшпхьадагІв» (календарь). У абазин календари раньше не водились и, естественно, не было слова, обозначающего этот предмет. Но в стихотворении «Находясь в Москве» автору понадобилось это слово на абазинском языке, и оно родилось. Впоследствии Чикатуевым будет введен в литературный обиход другой неологизм – «дневник» – «мшгІвыра», и он даже использует его в метафоре «дневник сердца» («сгвы амшгІвыра»), которой и озаглавит свой лучший сборник о любви. Он создал и ввел не только в поэтический, но и в общенациональный языковой оборот слово «Абазашта» – название родины, места проживания абазин, ставшее впоследствии широкоупотребительным. Достаточно указать на тот факт, что именно это слово в качестве названия с 1991 г. стала носить единственная абазинская газета. В автобиографии, помещенной в переводной книге

стихотворных произведений «Поющее сердце», Чикатуев останавливается на целом ряде новых слов и терминов, введенных им в речевой оборот.

1960-е для абазинской национальной поэзии оказались переломными, и большую роль в этом сыграл Чикатуев, явившийся самой значительной и определяющей лицо абазинской литературы фигурой. Ни у одного из местных поэтов того времени экспрессия и энергия стиха не были столь ощутимы и осязаемы, как у него, и вершинными для поэзии тех лет можно признать только два его сборника: «Дневник сердца» (1967) и «Абазинские всадники» (1969). О втором из них литературовед В.Б. Тугов с нескрываемым восхищением писал: «Микаэль Чикатуев всегда искусно пользовался словом, язык его всегда отличался богатством, но в «Абазинских всадниках», как никогда ранее, он сумел воспроизвести все богатство и разнообразие нашей речи. Удивителен язык поэм, неоднократно вызывающий неожиданные восклицания: где он отыскал такое, как удалось ему воссоздать такую картину, как сумел выявить суть языка, до чего верно подмечено вот это, до чего светел наш язык, до чего он могуч, какова его стать!

Если бы в этой книге ничего более существенного не содержалось бы, – все равно можно было бы говорить о том, что значение ее велико. Вот поэма «Юла». Огненным языком она написана! Картину детской игры воссоздают слова, гибкие, как прутья; события разворачиваются и создают такую экспрессию, будто они оседланы динамикой, будто в них впряжен дикий необъезженный конь».

В то же время под пером Чикатуева сатира обретает совершенно иной уровень художественной и общественной значимости. Если в предыдущие годы она была явно беззубой, то теперь она становится одним из самых значительных явлений национальной литературы, затрагивающей актуальные, жизненно важные, эпохальные проблемы. Таковы, например, стихотворения «Загадка» и «Сократить», которые можно характеризовать

словами З. Паперного: «лирика, доведенная до ярости»; а стихотворение «Спекулянт», ставшее классикой национальной сатирической поэзии, не потеряло своего художественного и эстетического значения до сих пор, несмотря на резкие перемены в сфере общественных ориентиров и ценностей, произошедших за последние три десятилетия.

С именем М. Чикатуева в абазинской поэзии связана персонификация детства и юности, использование их как самостоятельных поэтических образов, введение в национальную поэзию мотивов пути и путника, символических образов ветра, поезда, родника, вершины и других, нашедших воплощение и продолжение у других авторов.

Его имени часто сопутствуют эпитеты «первый», «впервые». Так, в свое время он явился первым из Карачаево-Черкесии, кому довелось поступить и окончить Литературный институт им. М. Горького в Москве; его стихотворение «Любовь» оказалось первым произведением писателей Черкесии, опубликованным в «Литературной газете» в сентябре 1956 г.; он первым из абазинских писателей выпустил свои книги в столичных издательствах в переводе Д. Голубкова: «Сердце Абазашты» (1964), «Два абрека» (1965). Микаэль Хаджиевич явился автором первой абазинской книги верлибров («Перезвон листьев», 1986), первой книги сонетов («Свет сердца», 1998), первого собрания сочинений в пяти томах (Краснодар, 2011).

Еще в самом начале творческого пути (1958 – 1960 гг.) Чикатуев создал первый абазинский роман в стихах «Под Стожарами», а в 1975-м завершил второй – «Синие горы». Правда, к читателю они смогли выйти лишь в конце 2011 года, но, тем не менее, в истории абазинской литературы подобного прецедента не было. В 2008 г. Микаэль Хаджиевич выступил в новом амплуа рассказчика, выпустив первую книгу новелл, построенных на сюжетах из национального фольклора («Яблоко, упавшее с дерева», 2008). Событием огромной культурной важности является и издание в 2007 году солидной двухтомной «Антологии абазинской поэзии», составленной им, где он же

является автором обширного предисловия и комментария. Также не только фактом личной творческой биографии поэта, но явлением в культурной жизни всего абазинского народа воспринимается прекрасное издание на русском языке сборника «Поющее сердце» (Москва, 2010), где собраны лучшие переводы, осуществленные за всю творческую деятельность автора, и пятитомное собрание поэтических сочинений на языке оригинала (Краснодар, 2011).

Чикатуев является автором более 30 сборников на абазинском, абхазском, русском языках. Его поэзия уже на протяжении многих лет изучается в школах и вузах Карачаево-Черкесии в рамках учебных дисциплин «Абазинская литература», «Литература народов Карачаево-Черкесии», «Литература народов Северного Кавказа»; обзор его творчества включен в учебник-хрестоматию для национальных школ, выпущенный издательством «Просвещение» Санкт-Петербурга (1995). Библиография о жизни и творчестве поэта составляет более 160 литературно-критических и литературоведческих работ, исследованию его поэзии посвящена уже не одна диссертация.

Отмечая вклад Микаэля Хаджиевича в абазинскую национальную и этнически родственную абхазскую культуру, в 1992 г. ему присвоили звание заслуженного деятеля культуры Республики Абхазия, в 1998-м он стал лауреатом Абхазской государственной литературной премии им. Д. Гулиа за книгу сонетов на абазинском и абхазском языках, изданную в Сухуме; в том же 1998-м ему было присвоено звание народного поэта Карачаево-Черкесской Республики.